

Тихомиров Сергей Александрович

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/7/8.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (50). С. 23-28. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Соответственно, идея федеративной государственности, как идеологический феномен определяет федеративные отношения, под которыми понимаются общественные отношения, возникающие между Российской Федерацией и ее субъектами (их органами государственной власти) по поводу разделения государственной власти. Именно федеративное государство выступает результатом масштабных структурных реорганизаций власти и общества, приводящих к широкому регулятивному вмешательству государства в федеративный процесс. В этом случае государство превращается в высокоответственный политический институт регулирования федеративных отношений на основе определенных принципов и критериев. Так, федеративная природа государства самым непосредственным образом проявляется в структуре, компетенции и порядке (процедурах) деятельности федеральных органов государственной власти и, соответственно, находит отражение в нормах глав 4-7 Конституции Российской Федерации. Это касается Президента России (ст. 80, 83, 85, 88, 89, 93), Федерального Собрания - в особенности Совета Федерации (ст. 95, 100, 101, 102, 104-108), Правительства Российской Федерации (ст. 114).

Таким образом, рассматривая федеративную государственность как базовую идею российского конституционализма, необходимо отметить следующее: степень принятия указанной идеи всеми уровнями государственной власти является определяющей в развитии федеративных отношений, соответствующих Конституции; степень отражения указанной идеи является одним из показателей развития гражданского общества и определяет единение граждан государства как нации в рамках российской государственности; понятия, ценности и идеалы идеи федеративной государственности способствуют развитию политической и гражданской культуры российского общества.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Конституционализм. Конституционное право: энциклопедический словарь. М., 2000. С. 304-305.
2. Баглай М. В., Туманов В. А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. С. 96-97.
3. Бондарь Н. С. Права человека в теории и практике российского конституционализма // Российский конституционализм: проблемы и решения. М., 1999. С. 200.
4. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. М., 1999. С. 125.
5. Ильин М. В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. С. 187.
6. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. С. 102.
7. Морозова Л. А. Проблемы современной российской государственности. М., 1998. С. 13-14.
8. Нерсесянц В. С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации: сб. ст. / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2000. С. 6.
9. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского общества. М., 1998. С. 7.
10. Уотс Р. Эволюция воззрений на федерализм // Федерализм. Центр. Регионы: федеративный бюллетень. М., 1999. № 1. С. 12-24.
11. Черепанов В. А. Конституционно-правовые основы разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами: монография. М., 2003.
12. Черепанов В. А. Теория российского федерализма: учебное пособие. М., 2005.

УДК 470-571

Сергей Александрович Тихомиров

Высшая школа народных искусств (институт), г. Санкт-Петербург

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ[©]

Центральный регион как единый пространственный континуум, обладающий собственной спецификой, неоднороден, но иерархически организован. Здесь отчетливо выделяется единственный центр (Москва), существует градация населенных пунктов по численности населения, по уровню сложности социальной организации, по уровню бытового комфорта, структуре досуга и прочим элементам повседневной культуры их жителей. Соответственно целостная картина изменений может быть получена только при осмыслении происходящих перемен на макро-, мезо- и микроуровнях (например, регион - область - город).

При этом анализ социокультурной ситуации в Центральном регионе не должен осуществляться методом определения «средней температуры по больнице», ибо его территории развиваются неравномерно. Например, Москва, Липецкая и Ярославская области, занимающие ведущие позиции по ряду ключевых параметров (рыночное позиционирование, уровень жизни населения, наличие квалифицированных кадров и др.), соседствуют с куда менее успешным Воронежем, в 2006 г. занявшем второе место среди городов России по числу обанкротившихся предприятий [20], экономически депрессивными Брянской и Ивановской областями [12, с. 26].

Отсюда следует, что степень готовности территорий внутри региона к экономическим, политико-правовым, информационным и иным видам преобразований варьируется, равно как и различаются интересы, привычки,

вкусы, стратегии потребления, уровень культурной компетенции, особенности восприятия информации, коммуникативные навыки их жителей. Важно понимать, что данные, полученные в ходе исследований, проведенных в Москве, не могут быть механически перенесены для анализа ситуации, скажем, в Брянске. Строго говоря, это будут два различных исследования.

Подчеркнем, что общей целью внутренней политики государства в рамках региона должно быть поддержание его экономического, социального, культурного и коммуникативного *единства* с учетом четкой *адресной* направленности всех проводимых действий.

Особенность современной ситуации заключается и в том, что эффект от преобразований в постсоветское время был многократно усилен рядом тенденций, характерных для западной культуры в целом. Прежде всего, речь идет о сверхбыстром развитии информационных технологий и средств коммуникации, стимулирующих углубление так называемого «цифрового разрыва» между территориями Центрального региона. И если в столице, где сосредоточено подавляющее большинство российских пользователей сети Интернет и пользователей русскоязычного сектора службы «Live Journal» [9, с. 142], пик «цифровой бума» уже пройден, то обширные провинциальные территории и по сей день продолжают оставаться «цифровой глухоманью»: в одной только Московской области по данным за 2007 г. насчитывалось 3 000 населенных пунктов, не обеспеченных телефонной связью.

В ситуации «между двух огней» оказались и многие учреждения, предоставляющие населению культурные блага: резкое сокращение государственного финансирования при необходимости постоянной модернизации обернулось для них настоящей катастрофой. Причем сам факт компьютеризации, подключения к сети Интернет не исчерпывает проблемы, ведь для полноценного расширения спектра услуг необходимо наличие должным образом обученного персонала. Хотя некоторую долю оптимизма внушают быстрые темпы реализации ряда национальных проектов («Образование», «Электронная Россия», «Народный телефон», «Народный компьютер»), направленные на информатизацию образовательных учреждений, органов местного самоуправления, а также на предоставление возможности частным лицам приобрести компьютер и подключиться к Интернету.

Трансформации в Центральном регионе на рубеже XX-XXI вв. осуществляются одновременно в нескольких плоскостях: политико-правовой, экономической, социальной, культурной.

Основопологающие изменения в политической сфере носили общероссийский характер и не были специфичными сугубо для Центрального региона. Все они были направлены на укрепление вертикали власти и обеспечение политического баланса в связке «центр-регионы» [24]: 1) создание федеральных округов - новых политико-административных единиц (май 2000 г.), в каждую из которых назначается полномочный представитель президента РФ (В Центральном ФО полпредом назначен Г. С. Полтавченко), выполняющий функции координации и контроля; 2) переход от выборности губернаторов к их назначению президентом (декабрь 2004 г.); 3) закрепление за президентом формального права роспуска местных законодательных собраний (реальных решений соответствующих данной процедуре до сих пор не принималось). «Смягчение» централизации власти в регионах происходит за счет сохранения выборности органов местного самоуправления.

Большинство областей Центрального ФО уже в 2005 году безболезненно перешло к модели назначаемых губернаторов: скандал имел место только в Тульской области, где назначенного вместо В. Стародубцева В. Д. Дудку первоначально отказались поддержать депутаты законодательного собрания.

Экономические реформы за последние 15 лет существенно реорганизовали структуру территорий внутри Центрального региона: если ранее вершину иерархии занимали районы со специализацией на оборонной и тяжелой промышленности, то сейчас их место занимает Москва как центр сосредоточения торгового и банковского капиталов. Негативные последствия реформ были отчасти компенсированы за счет многопрофильной ориентации промышленности региона (спад в доминирующих отраслях частично покрывался ростом во вспомогательных), однако на территориях с монопрофильной ориентацией производства (Ивановская область) потрясения сказались наиболее остро.

В общероссийском же масштабе наблюдается некоторое смещение «пояса промышленности» от Центрального региона к территориям Русского Севера.

На сегодняшний день Москва выступает для всех остальных территорий в качестве точки экономического, политического, социального и культурного притяжения, обладая при этом значительной свободой маневра практически во всех своих начинаниях благодаря концентрации финансовых потоков. Впрочем, на уровне повседневности столица также выступает как мощный аттрактор: не случайно крупный сверхсовременный торговый комплекс, открытый в Воронеже два года назад, носит название «Московский проспект», ведь именно столичный мегаполис является тем центром, где активно разрабатываются и откуда активно транслируются/заимствуются стандарты жизненного уклада. В свою очередь, из российской столицы по разным направлениям в регионе происходит «разворачивание» сетевых структур торгово-промышленных предприятий.

Сотрудничество со столичными инвесторами является одним из перспективных путей выхода из состояния стагнации или упадка и перехода к динамичному развитию территорий региона. Так, в Бежецком, Кесовогорском и Рамешковском районах Тверской области благодаря сотрудничеству с московским промышленным холдингом «Магрико» был организован полный цикл по производству и переработке льна, а также крупные мясомолочные производства. Особо следует подчеркнуть, что долговременные партнерские отношения между Москвой и областями региона часто предполагают не только интеграцию столичных и местных

предприятий, но и тесное сотрудничество в социокультурной сфере, реализацию программ поддержки малого бизнеса, интенсивный товароборот.

Одновременно с этим Центральный регион является привлекательным и для зарубежных инвесторов в силу возможности расположить производства в непосредственной близости к рынкам сбыта. Например, их активно привлекают в качестве резидентов в созданную в начале 2006 года Особую экономическую зону, которая располагается между городами Липецк и Грязи и мыслится как основа для преобразования всей промышленной инфраструктуры Липецкой области.

Существенной проблемой для экономики региона в условиях расширения спроса на рабочую силу является неблагоприятная демографическая ситуация последних лет: смертность устойчиво превышает рождаемость [11; 23]. Прирост населения в Центральном регионе осуществляется во многом за счет мигрантов [13; 22]. Современные миграции могут быть вызваны целым веером различных причин, однако они вполне соответствуют концепции «мир-системы» И. Валлерстайна, согласно которой происходит отток населения из более бедных районов в более богатые. Центральный регион в данном случае выступает как типичная территория-реципиент.

Миграционный прирост численности населения в регионе за период с 1991 по 1995 составил 929,3 тыс. чел., с 1996 по 2000 - 839,9 тыс. чел., с 2001 по 2002 - 234,7 тыс. чел.; причем 80% приезжающих в регион принимает Москва и Московская область [25].

Особое внимание следует обратить на то, что поток мигрантов не является однородным. Прежде всего, мигранты бывают *внутренние* (т.е. выходцы из областей региона - Брянской, Московской, Смоленской, Тульской и др., переезжающие в связи с переменой места работы, учебой, семейными обстоятельствами, нежеланием жить в сельской местности, поиском лучших перспектив для себя и своих детей и т.д.) и *внешние* (выходцы из других государств). Наиболее значительную часть последних в регионе составляют приезжие из республик бывшего СССР, проходившие социализацию (единая система образования, комсомол, армия) и инкультурацию (атеистическое воспитание, централизация СМИ) через те же институты, что и местное население, а потому вопрос о радикальном несоответствии социокультурных установок этой группы иммигрантов и местных жителей может быть поставлен под сомнение. В то же время в миграционных потоках ежегодно возрастает доля их молодых соотечественников, выросших, однако, уже в постсоветское время, а потому усвоивших иные ценности, номы, образцы поведения [16]. Наконец, в отдельную группу следует выделить тех, кто приезжает из стран дальнего зарубежья.

Таким образом, на данном этапе в Центральном регионе преобладают внешние мигранты с культурной идентичностью относительно близкой к культурной идентичности большинства местных жителей, а специфические этнические практики пока локализируются в сфере частной жизни. Данная ситуация неустойчива и в скором времени можно прогнозировать ее изменение, в частности массовый выход практик, сопряженных с этничностью, в публичное пространство.

Любопытно, что, если для большинства крупных российских городов характерны высокие показатели толерантности, то москвичи, тем не менее, обнаруживают склонность к установкам конфронтационного мышления, равно как и уровень ксенофобии в столице выше среднего по России. Например, 24% москвичей полагают, что милиция покровительствует «кавказцам», в то время как в Санкт-Петербурге такую точку зрения разделяют всего 9% жителей, а в Ростовской области и Ставропольском крае, территориях наиболее близких непосредственно к Кавказу, 10% и 5% соответственно [2, с. 33-34]. Что касается остальных территорий региона, то уровень неприязни выше в малых городах, нежели в селах, где отчасти продолжают воспроизводиться советские стереотипные представления о «дружбе народов» [4; 7].

Нельзя не отметить, что определенную роль в становлении ксенофобских настроений играют и СМИ, в подавляющем большинстве случаев описывающих миграционные процессы через категории опасности - явной (мигранты посягают на культурную и/или территориальную целостность России, «отбирают» у местных жителей рабочие места, пополняют ряды криминальных структур) или же латентной (приезжие дестабилизируют сложившуюся социокультурную обстановку, провоцируя выплески агрессии у ряда молодежных субкультур наподобие WP-сообщества).

Соответствуют ли подобные идеи истине? Безусловно, нет. Несовершенство системы регистрации мигрантов, сложность легального трудоустройства, бюрократический произвол, постоянные проверки на улицах [5] - все это свидетельства того, что у приезжих практически *отсутствует возможность встроиться в социальную структуру* общества-акцептора, что, в конечном счете, вынуждает их примкнуть к уже существующей на данной территории этнически родственной общности, а также значительно повышает возможность возникновения девиантных форм поведения.

Согласно проведенным исследованиям, всех мигрантов в Центральном регионе можно условно разделить на пять групп в соответствии с их социальным самочувствием: наиболее большие группы составляют мигранты, которые чувствуют себя *удовлетворительно* (45-50%) и *плохо* (20-25%) (!), далее идут группы, представители которых чувствуют себя хорошо (10-15%) и неудовлетворительно (3-5%). Замыкают ряд мигранты, чувствующие себя отлично (4-5%) [25].

Примечательно, что мигрантов поодиночке, тех, кто успешно интегрировался в социальную сеть взаимодействий российское общество-акцептор не только опасается, но и не замечает его инаковости: страх возникает исключительно перед мигрантами как группой, как неким внеструктурным элементом. Такая предельно обобщенная группа (в качестве нее могут выступать и «кавказцы», так и, например, «Запад») оказывается

удобной для проецирования на нее собственных страхов и желаний, а также для консолидации индивидов, но сплочение в таком случае базируется на отрицательных представлениях, солидарности отталкивания, маркерах размежевания. Как справедливо отмечает Л. Гудков, принцип «негативной идентификации» выражает вовсе не чрезмерную агрессивность россиян, но является тем механизмом, который компенсирует «низкий уровень гратификации (удовлетворенности - *С. Т.*) повседневного существования, слабость, аморфность ценностного обеспечения частной жизни, инерцию уравниловки, институциональную ограниченность любых индивидуальных достижений, направленных на повышение качества жизни» [8, с. 156].

Учитывая то обстоятельство, что в Москве доходы богатых в 16 раз выше, чем доходы бедных [10], становится более понятным и более высокий уровень ксенофобии в столице, нежели в регионе или России в целом.

Иными словами, проблемы во взаимоотношениях между жителями Центрального региона и иммигрантами из республик бывшего СССР носят, в первую очередь, социальный, а не культурный характер, вследствие чего необходимы коренные изменения в социально-правовой сфере в контексте многостороннего осмысления процессов миграции, позволяющего увидеть в них не только опасность, но и пользу.

Однако миграционные потоки как важный источник рабочей силы распределяются по региону неравномерно. Каковы же перспективы поселений, находящихся в удалении от основных транспортных сетей или не обладающих достаточными сырьевыми или трудовыми ресурсами для создания конкурентоспособных производств?

На рубеже XX-XXI веков в Центральном регионе РФ активное практическое воплощение получила западноевропейская концепция «возрождения городов через культуру» [15; 18]. Попытки (и весьма безуспешные) адаптировать данную концепцию к российским условиям и реализовать ее положения на практике являются прямым следствием изменений в понимании целей и задач культурной политики в государстве в целом и на местах в частности. А именно: культура перестает ассоциироваться исключительно с ее отдельными секторами (например, искусством), но понимается как стратегический ресурс развития той или иной территории, ее совокупный, исторически накопленный культурный капитал. Подобная инструментально-практическая трактовка культуры в рассматриваемом нами контексте является адекватным ответом на вызовы современности, а развитие сферы внутреннего и внешнего туризма, досуга, обслуживания, поощрение и популяризация как традиционных, так и ультрасовременных видов творчества с привлечением индивидуальных и коллективных инициатив жителей, создание привлекательного образа населенного пункта - вот, пожалуй, наиболее безболезненный путь возрождения для малых исторических городов [14] Центрального региона.

Не следует, однако, понимать сказанное излишне превратно: трактовка культуры как ключевого ресурса для развития определенных территорий вовсе не обозначает выхолащивания ее гуманистического смысла, а устойчивое динамическое развитие региона на базе культурных ресурсов не должно подменяться превращением локальных вариантов культуры в практически неисчерпаемый предмет купли-продажи. Напротив, речь здесь идет о конкретной реализации гуманистических смыслов, заложенных в культуре, соединении теории и практики, партнерских отношениях между государством и частным бизнесом в сфере культуры, широко распространенным разделением участников культурных проектов на организаторов (государство) и исполнителей (бизнес-структуры, общественные организации, государственные структуры).

В условиях отсутствия четко выраженной национальной идеи «идея градообразующая» как один из способов консолидации местного общества может увлечь действительно большое количество людей. Распад Советского Союза положил начало новому витку интенсивных поисков ответа на вопрос «кто я?»: утраченная советская идентичность для жителей Центрального региона была компенсирована путем усиления региональной городской идентичности («я - воронежец»). Но при этом она не вступает в противоречие с общероссийской идентичностью, так как населенные пункты Центрального региона располагаются в лоне материнской (русской) культуры.

Центральный регион исключительно богат городами, считающимися малой родиной фольклорных и литературных персонажей. Кострома стала родным городом внучки Деда Мороза - Снегурочки, причем местные жители подкрепляют такой выбор историческим фактом, ведь именно на Костромской земле, в имении Щельково, А. Н. Островский начал писать пьесу «Снегурочка». Гороховец (Владимирская область) позиционирует себя как «град Царя Гороха», а древний город Муром (Владимирская область) считается родиной Ильи Муромца, где былинному богатырю установлен памятник работы В. Клыкова. Жители Суздаля хотели «приютить» пушкинского Балду, однако местная администрация отказала в этой инициативе, посчитав Балду слишком «неблагонадежным» персонажем русской словесности.

Уникален опыт развития города Мышкин (Ярославская область): этот «город классической провинции» с населением всего шесть тысяч человек за период с 1995 по 2005 год превратился в мощный туристический центр. Если в 1995 г. его посетило всего 6 500 туристов, то в 2006 г. эта цифра возросла до 84 000 [1]. Туристическая индустрия города опирается во многом на достояние народной культуры: здесь действуют Народный этнографический музей, Музей «Русские валенки», Музей крестьянского зодчества, где под открытым небом собраны традиционные деревянные постройки, привезенные из близлежащих районов, Дом ремесел, Мельница и дом мельника, музей водочника П. А. Смирнова, а также главная визитная карточка города - единственный в мире Музей Мыши. Резкое изменение имиджа малого исторического города в положительную сторону позволило не только сформировать благоприятный инвестиционный, но и психологический климат в Мышкине.

Здесь никогда не говорят «дать на чай», употребляя вместо этого «дать на сыр», а традиционным свадебным пожеланием стала фраза «Чтобы мыши всегда водились в вашем доме». Д. С. Лихачев в одном из своих

писем заметил: «Город, играющий и посмеивающийся над собой, - это замечательно. Мышкин - это пока единственный случай игры общегородской» [3].

Интенсивное развитие творческих отраслей экономики Центрального региона не только позволяет диверсифицировать производства и уменьшить уровень безработицы, но и является адекватным процессу становления информационного (постиндустриального) общества (крупнейшие города России, выступающие в качестве межрегиональных центров, уже вошли в данную фазу развития), а также способствует повышению жизнестойкости и конкурентоспособности отечественной культуры в условиях глобализации, оказывает благотворное влияние на уровень культурной компетенции жителей региона.

В то же самое время развитие внутреннего туризма имеет и побочные следствия: располагающиеся вблизи Москвы малые города активно включаются в процесс субурбанизации - роста и развития пригородной зоны крупных городов, идущего из столицы.

Москвичи не мыслят себя без отдыха от суточных ритмов мегаполиса, от постоянных вторжений в личное пространство, желают смены привычных занятий и ландшафтного окружения, чем объясняется стремление жителей столицы обзавестись загородным земельным участком. Среди всех типов пригородных земельных владений в Центральном регионе неуклонно возрастает удельный вес коттеджей, в то время как площади коллективных огородов и садов сокращаются: они либо «съедаются» мегаполисом, либо перестают быть актуальными для землепользователей по мере стабилизации экономической ситуации в стране [19].

Небывалых размах пригородного строительства в значительной степени обусловлен массовой «автомобилизацией» населения Центрального региона: в одной только Рязанской области количество автомобилей увеличивается ежегодно на 20% и на 2010 год составило 417686 единиц [21]. Можно с уверенностью говорить, что, благодаря росту количества личных автомобилей начинается активная реструктуризация городского и пригородного пространств. Это проявляется, к примеру, в изменении форм организации торговых предприятий - появлении супер- и гипермаркетов, часто расположенных вне зоны города и рассчитанных в первую очередь на автомобилистов («МЕГА», «Ашан», «ИКЕА») Решающим фактором при их строительстве становится не столько фактическое расстояние, сколько наличие дорог и степень интенсивности движения по ним.

Не менее важно, что для ряда территорий региона начинают утрачиваться прежние основания для разделения их на «город» и «не-город». Специфика российской субурбанизации заключается в ее сезонном характере: даже хорошо оборудованные, пригодные для проживания в любое время года загородные дома большинство владельцев использует исключительно в режиме дач. Благодаря этому, зона летнего «расползания» Москвы составляет свыше 300 километров [19, с. 386-387].

Неудивительно, что в результате процессов субурбанизации все более характерной деталью экстерьера малых исторических городов Центрального региона (Ростов Великий, Суздаль, Углич) становятся обнесенные высокими заборами коттеджи с видами на историко-культурные достопримечательности, практически всегда нарушающие сложившуюся ландшафтную среду.

От подобного самоуправства частных лиц объекты историко-культурного наследия должно защитить государство, но здесь возникает ряд сложностей. Во-первых, количество реально существующих объектов, нуждающихся в охране и реставрации, значительно превосходит количество учтенных, что порою выливается в весьма абсурдные ситуации, когда, согласно документам, в исторических местах не числится ни одного объекта историко-культурного наследия. Во-вторых, существующее законодательство позволяет надлежащим образом обеспечивать охрану единичных объектов наследия, но не целостных природно-культурных комплексов.

Кроме того, развитие туризма неожиданно оказалось способным подвергать «диснеизации» целые территории, которые «приспосабливаются» под нужды туристов в ущерб местным жителям. Территории облакаются в привлекательную для гостей «упаковку», в то время как подлинная жизнь здесь оказывается оттеснена на периферию, сокрыта за «декорациями»: растущее число частных гостиниц, превращение привычных центров досуга и точек питания с демократичными ценами в сверхдорогие элитные заведения, ориентированные на туристов и состоятельных владельцев коттеджей, в буквальном смысле вытесняет местных жителей с их насущными потребностями на городские задворки.

Что же касается изменений в правовой культуре жителей Центрального региона, то здесь можно наблюдать несколько устойчивых тенденций. Прежде всего, это *понижение общего уровня правового сознания населения*: например, 75% опрошенных жителей Курской области считают виновным в нарушении собственных прав при трудоустройстве, обращении в правоохранительные органы и т.д. бюрократический аппарат, а не личное незнание законов (35% соответственно) [17, с. 51]. Далее - *отсутствие стабильных гарантий соблюдения прав и свобод граждан в социально-экономической сфере*. В качестве основных причин респонденты обычно называют коррупцию, возможность должностных лиц избежать ответственности за несоблюдение законов и постановлений, заинтересованность властей в поддержании интересов чиновников, крупного торгово-промышленного и финансового бизнеса, а не простых граждан. Любопытно, что значительная часть населения региона при защите своих прав в данной сфере готова прибегнуть к услугам не милиции, а частных юристов, адвокатских контор и даже детективных агентств, привлекающих их даже отсутствием грубого или халатного отношения к клиентам. Наконец, имеют место и положительные изменения в данной сфере, однако они несут половинчатый, несистемный характер: так, в регионе значительно возросло количество индивидов, чувствующих себя «частично защищенными» за счет сокращения тех, кто считает себя «незащищенным» и «защищенным» [Там же, с. 51-52].

Итак, несмотря на различия в развитии отдельных территорий, Центральный регион в целом является достаточно сильным и перспективным, обладая высоким потенциалом для восприятия дальнейших инноваций. *В ходе социокультурных изменений, произошедших в постсоветский период, появился ряд новых факторов, определяющих региональную идентичность* (она не имеет под собой этнического основания, но связана исключительно с чувством места) *населения центральной России*: восприятие региона как центра политики, экономики и финансов, науки, культуры, оплота реформ и преобразований, наслаивающееся на чувство центральности и столичности; глубокое расслоение общества и общая дороговизна жизни; рост плотности населения, обуславливающий все возрастающее давление на социальную сферу, включая культурно-досуговый сектор; повышение степени «деловитости» жителей; втягивание регионом доходов более слабых в экономическом плане территорий [6, с. 399-466].

В то же время исключительная «выделенность» Центрального региона способствует созданию напряжения в отношениях с другими регионами России. В связи с этим необходим ряд государственных мер, направленных на сглаживание резкого дисбаланса между регионами.

Список литературы

1. **84 тыс. туристов посетили за год город Мышкин (Ярославская область)** [Электронный ресурс] // ИА Regnum. URL: <http://www.regnum.ru/news/845822.html> (дата обращения: 30.06.2011).
2. **Андреев А. Л.** Правовой менталитет и отношение к милиции в российском обществе: социокультурные аспекты // Мониторинг общественного мнения. 2004. № 4 (72). С. 26-37.
3. **Бруштейн И.** Город Серого Зверя, или Долгая дорога в Мышкин [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2005/9/br7.html> (дата обращения: 30.06.2011).
4. **Вовк Е.** Чужие в чужой стране: ксенофобия и национализм в настроениях россиян [Электронный ресурс] // База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/xenoph/d041335> (дата обращения: 30.06.2011).
5. **Григорьев М., Осинников А.** Нелегальные мигранты в Москве. М.: Европа, 2009. 160 с.
6. **Губогло М. Н.** Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
7. **Гудков Л.** Почему мы не любим приезжих? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly: электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2006. № 233-234. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0233/tema01.php> (дата обращения: 30.06.2011).
8. **Гудков Л.** Структура и характер национальной идентичности в России // Гудков Л. Негативная идентичность: статьи 1997-2002 годов. М.: Новое литературное обозрение; ВЦИОМ-А, 2004. С. 121-168.
9. **Есаков В. А.** Мегалополис и его культура (на примере Москвы). М.: Альфа-М, 2008. 208 с.
10. **Зарплата самых богатых москвичей в 16 раз выше, чем у самых бедных** [Электронный ресурс] // В Москве: московские новости NEWSmsk.com от 25.03.2010. URL: http://newsmsk.ru/article/25Mar2010/zarplata_gap.html (дата обращения: 30.06.2011).
11. **Захаров С.** Модернизация рождаемости в России за 100 лет // Россия и ее регионы в XX веке: территория - расселение - миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 113-124.
12. **Инвестиционная стратегия Центрального федерального округа** [Электронный ресурс]. М., 2008. 73 с. URL: http://www.vedi.ru/s_lb/CFO-strategy.pdf (дата обращения: 30.06.2011).
13. **Ладан Е. А.** Миграционные процессы в условиях рыночной экономики в современной России [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2009. № 3-4. Социологические науки. URL: <http://teoriapractica.ru/index.php/-3-4-2009/174-2009-12-25-16-58-24/364-2009-12-26-07-59-47> (дата обращения: 30.06.2011).
14. **Лысова Н. Ю.** Малый исторический город: культурные параметры и актуальные проблемы [Электронный ресурс] // Регионология. 2008. № 2. URL: <http://regionsar.ru/node/125> (дата обращения: 30.06.2011).
15. **Лэндри Ч., Грин Л., Матарассо Ф., Бьянчини Ф.** Возрождение городов через культуру. СПб.: Нотабене, 1999. 85 с.
16. **Малахов В.** Понаехали тут...: очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 200 с.
17. **Мальшев В. А.** Правовая культура современной России // Вопросы культурологии. 2007. № 10. С. 51-52.
18. **Музен. Маркетинг. Менеджмент:** практическое пособие / сост. В. Ю. Дукельский. М.: Культура, 2001. 340 с.
19. **Нефедова Т.** Российские пригороды. Горожане в сельской местности // Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен: монографический сборник. М.: ОГИ, 2001. С. 374-399.
20. **Около тысячи предприятий Воронежа и области являются банкротами** [Электронный ресурс] // Forum.msk.ru: открытая электронная газета от 17.03.2006. URL: <http://forum-msk.org/material/news/8970.html> (дата обращения: 30.06.2011).
21. **По количеству транспорта, зарегистрированного в Рязанской области, мы вторые по ЦФО** [Электронный ресурс] // Cars62.ru: автомобильный портал Рязани. URL: <http://cars62.ru/po-kolichestvu-transporta-cfo-ryazanskaya-oblast-vtoaga.html> (дата обращения: 30.06.2011).
22. **Плисецкий Е. Л.** Современные миграционные процессы в России // География. 2003. № 37. С. 4-11.
23. **Социальный атлас российских регионов. Портреты регионов** [Электронный ресурс] / Независимый институт социальной политики. URL: <http://www.socpol.ru/atlas/portraits> (дата обращения: 30.06.2011).
24. **Туровский Р. Ф.** Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 399 с.
25. **Юдина Т. Н.** Социальное самочувствие мигрантов, проживающих в Центральном и Северо-Западном федеральных округах [Электронный ресурс] / Центр миграционных исследований. URL: http://www.migrocenter.ru/science/science019_5.php (дата обращения: 30.06.2011).